᾽ΗΡΩΣ ᾽ΗΡΟΔΟΤΟΣ?

R. A. Ghimadeyev

Accepting as authentic the information given in the *Suda* (s. v. Ἡρόδοτος) about the burial of Herodotus in the agora of Thurii, the author considers what evidence there is of agora burials. He comes to the conclusion that in the classical period an honour of this kind could hardly not have been associated with a hero-cult and, as far as one can judge, it was not a reward for literary merit. It follows that after the death of Herodotus he was worshipped as a hero, while in life he was able to be of very great service to the people of Thurii. Both the one and the other — the burial honours and the benefactions — are, in the author's opinion, further testimony to the very high social status of Herodotus.

ГЕРОИ КИММЕРИЙСКИХ И СКИФСКИХ ЛЕГЕНД В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ VII—VI вв. до н. э.

Историки и литературоведы редко обращаются к греческой вазовой живописи, гораздо чаще искусствоведы. Для того чтобы истолковать тот или иной сюжет, исследователи ищут опору в письменных памятниках. А между тем росписи на вазах содержат бесценные и далеко еще не полностью расшифрованные сведения об утраченных мифических сказаниях. Они жили либо в устной традиции, либо в эпических поэмах, где своеобразно преломлялась историческая действительность. Особый интерес представляют сцены, изображающие неизвестные по письменным источникам варианты прославленных сказаний. Такова, например, игра в кости, в которой участвуют Ахилл и Аякс, на знаменитой чернофигурной вазе мастера Эксекия или краснофигурный килик мастера Дуриса с изображением сторожащего золотое руно дракона, который проглатывает Ясона [1].

К числу таких сцен относятся калидонская охота на верхнем фризе вазы Франсуа [2] и амазономахия, где участвуют персонажи со скифскими именами и в восточных одеждах [3]. Эти широко известные искусствоведам памятники до сих пор не привлекали серьезного внимания историков и филологов.

Содержание мифа о калидонской охоте известно по «Илиаде» (IX 529—606) — древнейшему произведению греческой литературы. Авторы VII—VI вв. [4] неоднократно обращались к этому сюжету: о Мелеагре, герое сказания, писал Гесиод (Paus, X, 31, 3; fr. 135 Rzach), существовало сочинение Стесихора «Охота на вепря» (Athen., III, 95D), от которого сохранились два незначительных фрагмента. О калидонской охоте упоминалось в дифирамбе Клеомена из Регия (рубеж VI—V вв.) и, вероятно, в стихах Ивика (вторая половина VI в.), а в первой половине V в. — у Пиндара (Isthm. VII, 31) и Вакхилида (V, 94—154). Авторы эллинистиче-

---

[1] *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980, p. 191; репродукции рисунков названных ваз см.: *Boardman J.*, *Dörig J.*, *Fuchs W.*, *Hirmer M.* Die griechische Kunst. München, 1966, tabl. XVII, *134*.

[2] Ваза названа по имени нашедшего ее в 1845 г. археолога А. Франсуа, хранится в Археологическом музее во Флоренции. Ее репродуцируют во всех подробных изданиях по истории греческого искусства. Наиболее полное издание: *Minto A.* Il vaso François. Milano, 1960.

[3] Полный свод ваз со сценами амазономахии в кн.: *Bothmer D.* Amazones in Greek Art. Oxf., 1957.

[4] Все даты относятся к периоду до нашей эры.

ского и римского времени хорошо знали этот миф; наиболее обстоятельное изложение — у Аполлодора (I, 64—73), Овидия (Met. VIII, 260—444) и Гигина (Fab. 173). В мифе рассказывалось о страшном вепре, посланном разгневанной Артемидой во владения калидонского царя Ойнея. Для борьбы с чудовищным зверем царь пригласил знаменитых героев Эллады. Некоторые из них погибли во время охоты, другие ранили зверя; в мифе особенно выделялась Аталанта, нанесшая сильный удар животному. Честь окончательной расправы с вепрем принадлежала Мелеагру, сыну Ойнея. В основе мифа лежали события далекого прошлого Этолии: войны между городами, упомянутые Гомером, следы перехода от матриархата к патриархату, отразившиеся в отношении героев к Аталанте — единственной женщине, принявшей участие в охоте. Благодаря своей популярности, перешагнувшей границы Этолии, миф пополнялся новыми деталями. Сначала в охоте принимали участие герои из ближайших окрестностей Этолии, но постепенно круг их расширялся, охватывая не только материковую, но и островную Грецию, а также, как будет показано ниже, Малую Азию. Овидий, прекрасно знавший греческую мифологию, перечислил 30 участников калидонской охоты, у Гигина же их более 50.

Мастера греческих расписных ваз неоднократно изображали калидонскую охоту. Сохранились девять чернофигурных и десять краснофигурных и рельефных ваз с подобным сюжетом [5]. Несмотря на многочисленные письменные источники, сцены на вазах VI в. отражают неизвестные варианты мифа, например борьбу Аталанты и Пелея за трофеи охоты [6]. В этот ряд надо поставить вазу Франсуа, где есть герои с именами, отсутствующими в письменных источниках.

Ваза Франсуа — это большой чернофигурный кратер с волютообразными ручками; ее высота 66, диаметр 57 см. Ваза сделана в Аттике около 570 г. [7] в мастерской Эрготима и расписана Клитием, о чем свидетельствуют две надписи на сосуде. От горла до ножки кратер покрыт росписью, образующей шесть фризов. Всего на вазе представлено 270 фигур людей и животных, и около многих написаны имена.

Вазописец избрал несколько сюжетов из жизни Пелея и его сына Ахилла. Центральный, самый широкий фриз посвящен шествию богов на свадьбу Пелея и Фетиды. На верхнем фризе показана калидонская охота (рис. 1), участником которой был Пелей. В центре композиции помещен вепрь; с обеих сторон на него наступают девятнадцать охотников с собаками, двадцатый уже повержен зверем. Шестнадцать вооруженных копьями фигур симметрично расположены парами по сторонам от вепря. Три героя, целящихся из лука, нарисованы поодиночке. Ближе всего к морде зверя изображены главные действующие лица мифа: сын калидонского царя Мелеагр в паре с Пелеем и знаменитая охотница из Аркадии Аталанта в паре со своим будущим мужем Меланионом. За ними — целящийся с колена лучник Евтимах. Два других лучника, Кимерий и Токсамис, представлены среди героев, наступающих с противоположной стороны.

Наше исследование будет сосредоточено на этих трех лучниках, о которых нет упоминаний ни в одном из сохранившихся письменных источников. Исследователи вазы обычно оставляют открытым вопрос, откуда среди греческих героев появились эти фигуры с восточными одеяниями и именами [8]. В научной литературе уже упоминалось о том, что имена Кимерий и Токсамис принадлежали народам, населявшим Северное Причерно-

---

[5] *Kolf*. Meleagros.— RE, B. 15, 1931, Sp. 460—463. Кроме названных ваз в статье перечислено множество других античных произведений искусства с изображением калидонской охоты.

[6] *Kolf*. Op. cit., Sp. 474.

[7] О датировке кратера см.: *Beazley J. D*. The Development of Attic Black-figure. L., 1951, p. 26; *Cook R. M*. Greek Painted Pottery. L., 1960, p. 73.

[8] *Minto*. Op. cit., p. 40—41; *Vos M. F*. Scythian Archers in Archaic Vase-painting. Groningen, 1963, p. 2.

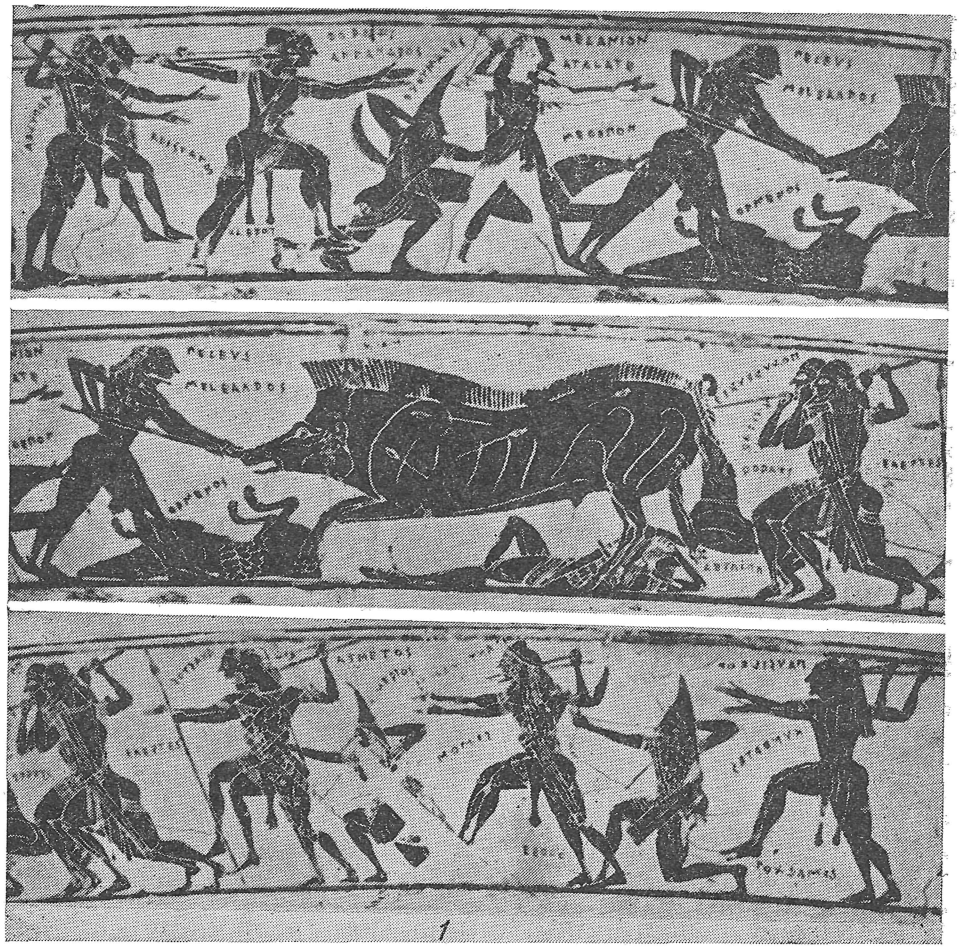

Рис. 1. Фриз вазы Франсуа с изображением Калидонской охоты (около 570 г. до н. э.)

морье [9]. В их написании на вазе заметны архаические черты греческой орфографии: необозначение геминаты μ (Κιμέριος), χσ вместо повсеместно принятой с IV в. ξ (Τόχσαμις) [10]. При упоминании вазы в современных изданиях эти имена приводятся в традиционной орфографии: Κιμμέριος, Τόξαμις [11]. Судя по именам, художник изобразил киммерийца и скифа. Имя первого говорит об его этнической принадлежности, имя второго звучит сходно с другими скифскими именами: царь Таксакис возглавил часть скифского войска в войне с Дарием (Herod., IV, 120), Токсарисом звали двух скифских персонажей в диалогах Лукиана (Scytha I, 2; Toxaris, passim).

В схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского есть краткая заметка о том, что герой — эпоним племени мариандинов — был сыном некоего Киммерия (Schol. Apollon. Rhod., II, 140, 723, 780). Это единственное в античной мифологии упоминание о персонаже с именем Киммерий дало основание для отождествления его с фигурой лучника Киммерия на вазе

---

[9] *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях.— ВДИ, 1939, № 3, с. 306.

[10] *Lejeune M.* Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972, p. 72, 101.

[11] *Граков.* Ук. соч., с. 306; *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911.

Франсуа [12]. Если в словаре В. Рошера такое предположение высказано с осторожностью, то Л. А. Ельницкий уже безоговорочно утверждал, что на вазе VI в. изображен предок мариандинов, на земле которых находилась греческая колония Гераклея Понтийская.

Эта гипотеза не выдерживает серьезной критики. Во-первых, киммерийское происхождение мариандинов, на чем настаивали Л. А. Ельницкий и некоторые другие исследователи, весьма сомнительно и в настоящее время имеет мало сторонников [13]. Во-вторых, Клитий расписывал вазу раньше, чем была основана Гераклея (554 г.) [14]. В-третьих, достаточно хорошо известно, как складывалась мифографическая традиция о Гераклее [15]. Первым ее историографом был Геродор, мифограф и софист конца V в. До него Гераклея не играла сколько-нибудь заметной роли в греческой мифологии. Геродор же нашел ей видное место в рассказах о Геракле и аргонавтах, сделав соответствующие модификации мифов. Таким образом, Киммерий, отец Мариандина,— плод греческой мифотворческой фантазии не ранее конца V в. Основанием для такого вымысла послужили воспоминания о пребывании киммерийцев на южных берегах Понта (ср. Herod., IV, 12).

Ясно, что Клитий рисовал героев с луками, не будучи знаком с восточными народами. Одеяния лучников на вазе Франсуа такие же, как у греческих героев, лишь у Кимерия и Токсамиса орнамент покрывает всю ткань, а не только кайму, как у греков; однако рисунок этого орнамента такой же, как на облачениях греческих персонажей на других фризах вазы. Негреческое происхождение героев подчеркнуто остроконечными шапками, которые носили многие восточные народы, и характером вооружения: у греческих охотников — копья, у варваров — луки скифского типа. Клитий перевел на язык изобразительного искусства литературное произведение о калидонской охоте [16]. Известно, что устные греческие сказания и эпическая поэзия давали основную массу сюжетов для вазописцев VI в. до н. э. [17] Обилие имен героев (целых 20) и даже их собак дает твердую основу для предположения о поэтическом источнике. Вероятно, лишь в стихотворной форме может быть закреплено в памяти столько имен. Прозаическое предание всегда обходится небольшим количеством имен основных действующих лиц [18].

Рассказ Гомера не соответствует тому, что изобразил Клитий. Малоубедительными представляются попытки связать сюжет калидонской охоты на вазе Франсуа с известным лишь по названию и двум невыразительным мелким фрагментам произведением Стесихора «Охота на вепря» [19]. Уроженцу Великой Греции был слишком далек мир киммерийцев и скифов, и вряд ли он мог ввести их в литературу.

По нашему мнению, литературный оригинал был создан в Ионии в конце VII в. Такое заключение связано не только с тем, что Иония в те времена была центром эпического творчества греков, но и с тем, что скиф и киммериец могли стать тогда героями мифа, вероятнее всего, в воображении ионийского поэта, современника вторжения киммерийцев и скифов в Малую Азию. Его сочинение либо полностью могло быть посвящено калидонской охоте, либо это был достаточно подробно описанный эпизод

---

[12] *Roscher W. H.* Aüsfuhrliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. B. 2. Lpz. 1890, Sp. 1187; *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 49.

[13] *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea on the Black Sea. L., 1976, p. 7—8.

[14] Ibid., p. 12.

[15] Ibid., p. 2.

[16] *Kolf.* Op. cit., Sp. 461; *Beazley.* Op. cit., p. 331.

[17] *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 105.

[18] *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 245.

[19] *Kolf.* Op. cit., Sp. 461.

в более крупном произведении, например в «Илиаде». Автор одной из киклических поэм (VII — начало VI в.), подражавший Гомеру [20], мог включить этот миф в свое произведение, но изложить иной вариант, который отразился на греческих вазах VI в.

Судя по древневосточным и древнегреческим источникам, киммерийцы вторгались в Малую Азию во второй половине VIII в. и в середине VII в. [21] В VII в. они достигли Ионии и разрушили некоторые греческие города (Herod., I, 6; Strabo, III, 2, 12). Киммерийской угрозой было вызвано строительство специальных укреплений в греческих полисах, остатки которых найдены, например, в Панионионе [22]. Как ни скудны наши сведения о греческой литературе эпохи архаики, все же известно, что в VIII—VII вв. киммерийцы упоминались в ряде поэтических произведений. Их далекая родина где-то на границе здешнего и потустороннего мира описана в «Одиссее» (XI, 12—19). Каллин, поэт середины VII в., обращался к согражданам с призывом защитить родной Эфес от надвигающегося войска киммерийцев (fr. 3 Diehl). В «Аримаспее» Аристея Проконнесского (по-видимому, он был младшим современником Каллина) описывались причины, побудившие киммерийцев покинуть родину (Herod., IV, 13).

То же самое можно сказать и о скифах. Этникон встречается уже в сочинениях Гесиода (Strabo, VII, 3, 9). Нашествие скифов в Азию и их изгнание надолго запечатлелись в памяти ионийских греков. С их слов Геродот (I, 106) в V в. записал устную новеллу о хитрости, с помощью которой царь Киаксар расправился со скифами. Исторические же новеллы, как правило, складываются непосредственно в ходе событий или сразу же после них [23], т. е. этот рассказ мог существовать на рубеже VII—VI вв. [24]

Киммерийцы и скифы, прекрасные наездники и стрелки из лука, произвели большое впечатление на многие малоазийские народы. Например, мидийский царь Киаксар поручил скифам обучить местных мальчиков стрельбе из лука (Herod., I, 73). Среди греков возникла легенда о Геракле, получившем замечательный лук от скифа Тевтара, который научил героя стрелять (Tzetz. Schol. ad Lycophr., 50—51). Примечательно сообщение Геродота о том, что скифы в Малой Азии прославились не только как воины, но и как охотники (I, 73).

Вся жизнь малоазийских греческих полисов была тесно связана с иноплеменными соседями, которые часто грозили им войной. Греки долго и упорно сопротивлялись лидийцам, персам, киммерийцам. Надо помнить и о том, сколь восприимчивы были греки к разнообразным культурным достижениям восточных народов, от которых они заимствовали и широко внедрили в свою жизнь алфавит, денежное обращение, некоторые музыкальные инструменты и многое другое [25]. В греческую литературу проникали предания восточных народов [26]. Контакты с киммерийцами и скифами в VII в. занимали, конечно, не особенно заметное место в письменных памятниках. Однако пристальное рассмотрение того немногого, что сохранилось от эпохи архаики, дает основание полагать, что греки были знако-

---

[20] Античные писатели называют ряд авторов киклических поэм учениками Гомера: *Huxley G. F.* Greek Epic Poetry. Cambr., 1969, p. 124.

[21] *Дьяконов И. М.* История Мидии. М., 1956, с. 234; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 105.

[22] *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965, с. 24; *Hommel P.* Panionion und Melie. B., 1967, S. 94.

[23] *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности.— В кн.: Славянский фольклор. М., 1965, с. 12.

[24] Изгнание скифов относят к последней четверти VII в. или к началу VI в. О существующих разногласиях в датировке этого события см.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982, с. 179.

[25] *Emlyn-Jones C. J.* Ionians and Hellenism. London — Boston, 1980, p. 26, 27, 105, 106; *Snodgrass.* Op. cit., p. 80—83.

[26] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 79—96.

мы с некоторыми сказаниями киммерийцев и скифов. Естественно, герои этих сказаний должны были быть прекрасными наездниками и обладать выдающимися способностями стрельбы из лука, что проявляется во время войны или охоты. Легенда о скифском царе Колаксае и его коне вскользь упомянута в «Парфении» Алкмана (ст. 49), уроженца лидийской столицы Сард. На одной аттической амфоре последней трети VI в. есть изображение длиннобородого скифского вождя, который вручает молодому воину лук как символ военной власти [27]. По остроумному толкованию А. Алексеева, здесь представлен один из вариантов скифской легенды, известной из «Истории» Геродота [28]. Как и Клитий, автор росписи амфоры опирался на какой-то литературный источник. Его героями были не только скифы, но и греки: ведь на амфоре скифские персонажи нарисованы между двумя греческими воинами. Возможно, молодой скиф, получающий лук, отправлялся совершать свои ратные подвиги среди греков. На эту мысль наводит роспись на другой вазе: Диомед и Гектор сражаются над убитым стрелком, около которого надпись «скиф» [29].

Ионийский поэт, излагая известный миф о калидонской охоте, включил в число его героев не только легендарных греков, но и прославленных охотников из среды киммерийцев и скифов. Так в его творчестве отразилась историческая действительность — столкновение греков с этими народами в середине — второй половине VII в. Для греческих поэтов было характерно свободное изменение сюжетных ходов известных сказаний [30]. Само же по себе включение героев-варваров в ткань греческих эпических поэм не представляется чем-то уникальным для эпохи архаики. Например, Мемнон, герой поэмы Арктина «Эфиопида», был эфиопом, прибывшим на помощь троянцам. О Мемноне есть упоминание в «Одиссее» (IV, 187), а его изображение часто встречается на аттических вазах, но самое раннее — на коринфской пиксиде второй половины VII в. [31]

В греческой ономастике существовала группа имен, происходящих от иноземных этниконов. Такие имена известны с рубежа VIII—VII вв.: например, брат Гесиода — Перс (Op. X, 27). К числу подобных имен относятся «Скиф» и «Киммерий». Первое было достаточно широко распространено в Греции и ее колониях, второе дважды встречается в надписях Эфеса и Родоса V и III вв. до н. э.[32] Появление этих имен у греков надо отнести к VII в.— времени знакомства жителей малоазийских полисов с киммерийцами и скифами. Первоначально, конечно, такие имена были неразрывно связаны с национальностью их носителей, что хорошо видно по рисунку и надписи на вазе Франсуа. Но уже к концу VI в. сами греки имели подобные имена. Таков Скиф, уроженец Коса,— правитель Занклы на Сицилии (Herod., VI, 23—24; VII, 163—164), таков и выдающийся аттический художник, оставивший несколько прекрасных рисунков на вазах с подписью «Скиф расписал» [33].

Имя скифского лучника «Токсаки» особенно интересно. Заимствованное греческим, по-видимому, поэтом из скифского сказания, оно доносит до нас звучание имени героя скифского фольклора.

Остается определить этническую принадлежность третьего лучника — Евтимаха. Εὐθύμαχος («сражающийся в открытом бою» — имя чисто гре-

---

[27] *Vos.* Op. cit., tabl. 4b.

[28] *Алексеев А.* Сцена вручения лука на амфоре VI в. до н. э. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 1981, 46, с. 41 сл.

[29] *Vos.* Op. cit., p. 20, tabl. 6a.

[30] *Толстой И. И.* Аэды. М., 1958, с. 57.

[31] *Блаватский.* Ук. соч., с. 109.

[32] *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 91—92.

[33] Мнение Б. Н. Гракова (ук. соч., с. 306) о том, что автор росписи был рабом-скифом, в настоящее время должно быть полностью отвергнуто. Вряд ли выходец из народа, не знавшего даже кружальной керамики, мог разрабатывать в своих произведениях сложные и чуждые ему сюжеты греческих мифов.

ческое, оно встречается и в роли определения (Pind., Ol. VII, 15; Simonid., 137), и как имя собственное (Dem., 44, 9; Paus., X, 14, 1) [34]; можно, однако, предположить, что это греческий перевод варварского имени. Евтимах изображен как представитель какого-то восточного народа, судя по его высокой шапке. На рубеже VII—VI вв. ионийские города находились в постоянном контакте с Лидией [35]. По словам Геродота (I, 79), во времена Креза в Азии не было более мужественного и сильного народа, чем лидийцы. В их столице Сардах жило немало греков, которым были знакомы язык и фольклор лидийцев [36]. Поэтому вполне возможно, что имя варварского героя в сознании греков легко нашло параллель в их родном языке. Впрочем, с определенной долей вероятности можно предположить, что Евтимах был героем фольклора мидян или персов, других восточных соседей греков.

Итак, ионийский поэт на рубеже VII—VI вв. ввел в свое повествование о калидонской охоте трех иноземных героев из народов Малой Азии, знакомых грекам. Этот сюжетный ход не нашел развития ни в дальнейшей литературной жизни мифа, ни в изобразительном искусстве [37]. Только роспись Клития донесла до нас уникальное свидетельство о стихах, вероятно, отражавших утраченные фольклорные сказания трех восточных народов.

Творчество Клития дает еще один пример проникновения скифских образов в греческую мифологию. Речь идет о фрагменте скифоса со сценой амазономахии [38]. В греческой мифологии амазонки существовали еще в догомеровский период [39]. Они известны в античной литературе начиная с эпохи архаики. Их упоминает Гомер в «Илиаде» (III, 189; VI, 186), о них шла речь в «Эфиопиде» Арктина [40]. К настоящему времени не сохранилось ни одного сколько-нибудь подробного литературного произведения VII—VI вв. о битве греков с амазонками, но вазовая живопись с массой имен амазонок убеждает, что такие сочинения существовали [41]. О более или менее подробной литературной традиции об амазонках можно говорить, лишь начиная с «Истории» Геродота [42].

Античные авторы описывают амазонок как отважных женщин-воительниц, ненавидящих мужчин. Они либо составляют отдельный народ, состоящий исключительно из женщин, изредка встречающихся с мужчинами для продолжения рода, либо держат мужчин в полном повиновении. Древнейшие фольклорные предания об амазонках сохранились в античной литературе. Однако подобные рассказы записаны у народов разных стран и континентов [43].

Большинство античных писателей считали родиной амазонок южный берег Понта у реки Термодонт, а их главным городом — Темискиру.

---

[34] *Pape*. Op. cit., s. v.

[35] *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства.— ВДИ, 1978, № 1, с. 26—38.

[36] О знакомстве греков с лидийским фольклором, а также о возникновении «некоего общего греко-лидийского предания» см.: *Доватур*. Ук. соч., с. 82—96.

[37] Может быть, автор росписи флорентийской гидрии со сценой калидонской охоты знал те же стихи, что и Клитий; один из участников охоты изображен в высокой восточной шапке (Antike Kunst, 1965, № 5, S. 16, Abb. 4). Во всех остальных известных нам росписях изображены исключительно греческие герои (ср. *Kolf*. Op. cit., Sp. 460—463).

[38] *Bothmer*. Op. cit., p. 9, № 39.

[39] *Hennig R.* Über die voraussitlichen völkerkundlichen Grundlagen der Amazonen Sagen und deren Verbreitung.— Zeitschrift für Ethnologie, 1940, № 4, S. 362.

[40] *Huxley*. Op. cit., p. 147 f.

[41] Выше было показано, что большое количество имен персонажей одного мифа указывает на литературный поэтический источник сюжета росписи. По каталогу Д. Ботмера насчитывается 66 полных имен амазонок и 9, от которых остались от одной до четырех букв (*Bothmer*. Op. cit., p. 234).

[42] Сводку античной литературной традиции см.: *Косвен М. О.* Амазонки.— СЭ, 1947, № 2, с. 33—41; там же дана подробная иностранная библиография.

[43] *Косвен*. Ук. соч.— СЭ, 1947, № 2, с. 41—59; № 3, с. 3—32.

Четыре греческих героя вступали в битву с амазонками: Беллерофонт, Геракл, Тесей и Ахилл. Геродот сообщает о победе греков над амазонками и их прибытии на трех кораблях к берегам Меотийского озера. Здесь, соединившись со скифами, они перешли Танаис и заселили местность, которую во времена историка занимали савроматы (IV, 110—116). В женщинах этого племени греки признавали потомков амазонок.

Древнейшее изображение амазонок относится к началу VII в.; с середины VI в. амазономахия становится излюбленным сюжетом росписи античных ваз [44]. На чернофигурных сосудах амазонки вооружены копьями и одеты в греческие одежды и шлемы [45]. Таковы они и на фрагментах скифоса, расписанного Клитием [46]. Туника одной из амазонок особенно богато украшена: на ней чередуются пояса пальметт и лотосов, а также колесниц, запряженных крылатыми конями. Такой же орнамент есть на одеждах Геры, Урании и некоторых других персонажей вазы Франсуа. Около трех сохранившихся изображений амазонок написаны их имена: Телепилея, Ифито и Скилейя. Последняя поднимает убитую соратницу левой рукой, а правой отбивается мечом от противника. Аналогичные композиции амазономахии на других вазах приводят к заключению, что Клитий иллюстрировал сражение Геракла с амазонками [47].

Вазовая живопись VI в. показывает, как в греческую поэзию и изобразительное искусство проникает представление о связи амазонок со скифами Северного Причерноморья. Наиболее раннее свидетельство — рисунок Клития — относится к второй четверти VI в., а его литературный источник должен быть несколько старше. Хотя все амазонки Клития одеты по-гречески, имя одной из них скифское: Скилея — женская форма имени Скил. В начале V в. такое имя носил скифский царь, как известно из «Истории» Геродота (IV, 78—80). Недалеко от Истрии найден архаический золотой перстень с таким именем; по-видимому, он принадлежал этому царю [48]. Имя Скилеи на вазе написано в архаическом начертании справа налево. Мастер пользовался системой письма, называемой «бустрофедон», т. е. одну строку писал слева направо (имена амазонок — Ифито и Телепилея), другую — справа налево (ΣΚΥΛΕΙΕΙ), причем вместо окончания женского рода дважды повторил предпоследний слог.

Другая амазонка со скифским именем, Токсарис, изображена на фрагменте краснофигурной вазы, которую Дж. Бизли приписывает знаменитому мастеру Евфронию [49]. На фрагменте сохранились изображения двух амазонок и гоплита, надпись ΤΟΧΣΑΡΙ[Σ]. Так же как и в случае со Скилеей, по литературной традиции известен мужской вариант имени: скиф Токсарис прибыл в Афины раньше Анахарсиса, где оба встретились (Luc., Scyth. 1). Последний, согласно античной традиции, был собеседником Солона и посетил Креза (Diod. Sic., IX, 26,2; Plut., Solo, 5). Таким образом, пребывание Токсариса в Афинах надо отнести к началу VI в. Имя амазонки Токсарис на вазе рубежа VI—V вв. можно считать косвенным свидетельством того, что в двух сочинениях Лукиана — «Скиф» и «Токсарис» — сохранились черты действительно древнего предания. Известные из античной литературы мужские формы имен Скил и Токсарис показывают, что в скифской ономастике существовали мужские и женские варианты имен, произведенные от одного корня. Такое явление характерно для ономастики многих народов (ср. Александр и Александра, Олег и Ольга и т. д.).

---

[44] *Bothmer*. Op. cit., p. 1, 2, 6.

[45] По словам Э. Р. Штерна, амазонки на вазах первой половины VI в. изображались почти в тех же положениях, что и греческие гоплиты, т. е. в сценах вооружения, битв, пешие, на колесницах и верхом (*Штерн Э. Р.* Алабастр Псиакса и Гилина.— ЗООИД, 1899, т. 17, с. 46).

[46] *Bothmer*. Op. cit., p. 23 f. Манера рисунка и сходство орнамента дали основание приписать Клитию три фрагмента скифоса, хранящиеся в Музее Акрополя.

[47] *Bothmer*. Op. cit., p. 23.

[48] *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила.— СА, 1980, № 3, с. 92—96.

[49] *Beazley J. D.* Attic Red-figured Painting. Oxf., 1963, p. 17, № 16.

Имя Токсарис, конечно, ассоциировалось у греков со словом τόξα — стрелы. Возможно, оно даже несколько переделано на греческий лад: ведь лук и стрелы — обычное вооружение скифов, и скифское имя было понятно грекам с этой точки зрения. Легенда о связи амазонок со скифами вызвала к жизни представление о том, что они были одеты и вооружены по-скифски. Это нашло отражение и в их именах, образованных от слова «стрелы». На вазах встречаются имена Токсис и Токсофила. Первая участвует в сцене битвы Геракла с амазонками на краснофигурном кратере Евфрония [50], она изображена в такой же восточной одежде, как Токсарис. И хотя Токсис и Токсофила — имена греческого происхождения (τόξα + φίλος), но возникли они под влиянием связи данного мифа со скифами. Токсофила нарисована на чернофигурном диносе из Лувра, где сохранилось самое подробное изображение амазономахии: 23 амазонки ведут бой против 13 греков [51]. Множество подписанных имен, как говорилось выше, свидетельствует о поэтическом источнике этого сюжета. В центре композиции — Теламон и Геракл. Токсофила уже повержена. На ней, как и на других амазонках, греческий шлем и одежда. Ведь динос расписан во второй четверти VI в., когда амазонок начали называть скифскими именами (напомним Скилею Клития), но еще не представляли в скифских одеяниях. Амазонки в кафтанах с длинными рукавами, в штанах и высоких восточных шапках появляются в творчестве мастеров краснофигурного стиля в последней четверти VI в. [52]

По мнению большинства исследователей, костюм амазонок заимствован вазописцами с изображений скифов [53], впервые встречающихся на аттических вазах около 530 г. [54] Однако кажется несостоятельным предположение о причинах связи изображений амазонок и скифов из-за того, что скифские телохранители Писистрата имели стоянку на холме Ареопаге, где находилось место почитания амазонок [55]. Скифские имена амазонок на вазах, как мы показали, гораздо старше времени Писистрата.

Собранные факты показывают, что первоначально образы скифов и амазонок, происходящих из Северного Причерноморья, были известны вазописцам по литературным источникам, авторами которых были ионийские греки. Не знавшие скифов в жизни аттические художники рисовали персонажей со скифскими именами в греческом облачении. Когда же в последней трети VI в. Афины стали располагать отрядами скифских лучников, литературные образы получили конкретное воплощение: аттические мастера смогли нарисовать скифские костюмы по собственным наблюдениям [56].

После 500 г. на вазах сокращается число изображений скифов, а после 490 г. они исчезают вовсе [57]. Но за амазонками прочно закрепляется скифский костюм. Для иллюстрации приведем два примера подобных росписей из отечественных собраний. В конце VI в. вазописец Псиакс нарисовал на краснофигурном алабастре очень изящную амазонку с луком (рис. 2) и обнаженного греческого юношу в шлеме и со щитом [58]. Роспись Псиакса синхронна массовому изображению скифов на аттических вазах. На краснофигурном кратере середины V в. представлено сражение Тесея

---

[50] *Bothmer*. Op. cit., p. 131, № 5.

[51] Ibid., p. 8.

[52] Отдельные черты скифского вооружения и одежды встречаются у амазонок на чернофигурных вазах с середины VI в., но широкое распространение скифского костюма у амазонок появляется на рисунках краснофигурных ваз начиная с последней трети VI в. (*Штерн*. Ук. соч., с. 47; *Graef B*. Amazones.— RE, B. 1, Sp. 1773; *Bothmer*. Op. cit., tabl. 68, 69, 72—74, 78, 80—85).

[53] *Штерн*. Ук. соч., с. 47; *Bothmer*. Op. cit., p. 94.

[54] *Vos*. Op. cit., p. 61.

[55] *Штерн*. Ук. соч., с. 48.

[56] *Vos*. Op. cit., p. 63—68.

[57] Ibid., p. 81.

[58] *Штерн*. Ук. соч., с. 37—62; *Соколов Г*. Античное Причерноморье. Л., 1973, с. 26. Алабастр хранится в Одесском Археологическом музее.

с амазонкой Мелусой, скачущей на коне [59]. Несмотря на греческое имя, Мелуса одета в скифский костюм. В своей древней основе рассказ о подвигах Тесея не давал повода для встречи с героями с берегов Понта. Однако в V в., когда Аттика поддерживала оживленные связи с колониями Северного Причерноморья [60], появилось стремление связать историю обеих областей с мифических времен. Известный логограф Гелланик в своей «Аттиде» объяснял, как амазонки появились в Аттике, прибыв из-за Боспора Киммерийского, и после неудачной трехмесячной войны возвратились на родину (Tzetz. Schol. ad Lycophr., 1332). Это свидетельство помогает понять, почему Тесей сражается с амазонкой в скифском одеянии, а сцена на вазе дает возможность восстановить несохранившийся литературный сюжет о сражении Тесея с амазонками, прибывшими из Скифии.

Рис. 2. Краснофигурный алабастр с изображением амазонки (конец VI в. до н. э.)

Скифские имена амазонок вошли в греческую архаическую литературу, конечно, не в результате случайного заимствования из повседневной жизни, а из какого-то скифского предания, вернее всего эпического. Судя по тому, что греки назвали именно так амазонок, в эпосе скифов должны были действовать героини-воительницы. Подобное предположение можно обосновать также некоторыми сообщениями древних писателей и археологическими находками. Античные авторы оставили многочисленные упоминания об участии женщин в военных походах савроматов (Herod., IV, 116—117; Ps.-Hippocr., De aer. 24; Plat., Leg. VII, 11p. 804e). Менее известно, что эта черта была свойственна и некоторым скифским племенам, как можно заключить из рассказа Диодора Сицилийского (II, 44). Женские погребения с оружием на территории Скифии [61] подкрепляют мысль об участии скифянок в военных действиях и об отражении этого факта в эпосе, где выступали героини-воительницы. Их имена — Скилея и Токсарис — были знакомы Клитию и Евфронию по греческим стихам. Представление о Северном Причерноморье как о родине амазонок побудило эллинского поэта добавить к персонажам с традиционными греческими именами героинь со скифскими именами.

Рисунки на аттических вазах представили возможность установить в греческой мифологии существование мотива связи амазонок с народами Северного Причерноморья с начала VI в., т. е. с периода основания большинства ионийских колоний в этой области. К этому времени греки уже хо-

---

[59] *Горбунова К. С.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961, с. 82, рис. 40. Кратер хранится в Гос. Эрмитаже.

[60] *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, с. 20 сл.

[61] *Ганіна О. Д.* До питання про жіночі поховання из зброєю скіфського часу.— Праці Київського держ. історичного музею, Київ, 1958, вип. 1, с. 175—183; *Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3, с. 169 сл.

рошо освоили южный берег Понта, и там не оказалось никаких следов воинственных женщин. В процессе колонизации греки познакомились с савроматами, обитавшими в Приазовье. Умение савроматских женщин хорошо ездить на коне и владеть оружием (Ps.-Hippocr., De aer, 24) ассоциировалось в сознании греков с обликом легендарных амазонок и оформилось в предание, известное по записи Геродота [62]. Однако если это древнейшее письменное свидетельство относится к середине V в., то вазовая живопись позволяет зафиксировать существование предания почти на полтора столетия раньше.

По нашему мнению, хорошей иллюстрацией к рассказу Геродота является недавно впервые опубликованная К. С. Горбуновой эрмитажная ваза: на чернофигурной амфоре 30—20-х годов VI в. изображены скифский воин [63] и две амазонки. Бородатый варвар в остроконечной шапке, кафтане с рукавами и в длинных штанах стреляет из лука. На амазонках греческие одеяния и шлемы, в руках щиты и копья. Вероятно, это сцена из мифа о начальном периоде жизни амазонок на берегах Меотиды. Амазонки одеты по-гречески, так как они недавно прибыли из Малой Азии и еще не составили вместе со скифами новый народ савроматов.

Анализ изображений киммерийских и скифских персонажей в творчестве аттических вазописцев VI в. приводит к следующим выводам. Росписи на вазах, иллюстрирующие известные греческие мифы о калидонской охоте и амазономахии, опираются на утраченные литературные источники эпохи архаики. Созданные в Ионии на рубеже VII —VI вв., они художественно преломили исторический опыт греков, столкнувшихся с киммерийцами и скифами сначала в Малой Азии, а затем в Северном Причерноморье. Включение героев киммерийского и скифского фольклора в ткань мифа о калидонской охоте было эпизодическим и не получило развития при разработке этого сюжета многими античными писателями и художниками. Наоборот, связь амазонок с выходцами из Северного Причерноморья имела широкое признание в литературе и искусстве. Амазонка Скилея на вазе Клития, использовавшего утраченный поэтический источник, оказывается древнейшим свидетельством о подобном сюжете в греческой литературе и искусстве.

Изучение греческих ваз VI в. дает также некоторые сведения о персонажах утраченного скифского эпоса: это Токсамис, прославившийся как охотник и выдающийся стрелок из лука, и две героини-воительницы — Скилея и Токсарис.

М. В. Скржинская

---

[62] *Hennig*. Op. cit., S. 363.

[63] *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983, с. 97 сл., рис. 70. Автор осторожно называет воина просто варваром. Существовали разные предположения об этнической принадлежности фигур, одетых в подобные восточные костюмы: персы, фракийцы, скифы. М. Ф. Вос (op. cit., p. 43) проанализировала существующие гипотезы и показала, что на вазах VI — начала V в. наиболее убедительной оказывается интерпретация этих персонажей как скифов. Литературная традиция поддерживает отождествление варвара со скифом на эрмитажной амфоре.

HEROES OF CIMMERIAN AND SCYTHIAN LEGENDS IN GREEK POETRY AND VASE PAINTINGS, SEVENTH AND SIXTH CENTURIES B. C.

M. V. Scrzhinskaya

Vase paintings illustrating Greek myths about the Calydonian Boar Hunt and Amazonomachias are based on lost poems of the Archaic period. Composed at the turn of the 7th and 6th centuries, they changed artistically the historical experience of the Greeks who came upon the Cimmerians and Scythians first in Asia Minor and then in the North Black Sea area. Taking his subjects from such poems, Klitias painted on the François vase Toxamis and Kimerios, heroes who came into Greek literature from Scythian and Cimmerian folklore. The participation of Scythian women in battles led the Greeks to suppose that the Amazons lived in the North Black Sea area. Acquaintance with Scythian legends, adapted to the Greek mode, probably strengthened this impression. The Scythian names of the Amazons Skylea and Toxaris in the drawings of Klitias and Euphronios suggest that in Scythian folklore there were warrior heroines.

POLYBIANA: ИСТОРИЯ КАК НАУКА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ III — II вв. до н. э.

Изучение античной историографии, первых шагов исторической науки, позволяет оценить как особенности развития исторической мысли — ее основных понятий, проблем, ею изучаемых, приемов исторического исследования — в различные периоды истории античного общества, так и общий ход умственного развития человечества. Грандиозный по объему и охвату исторического материала труд автора III—II вв. до н. э. Полибия по праву занимает важное место в греческой историографии. Это сочинение, играющее важную роль в разработке античной теории истории, и будет в данном случае предметом нашего рассмотрения.

В отечественной историографии первой попыткой дать общее представление о работе и мировоззрении Полибия была статья Ф. Г. Мищенко, по мнению которого особенности политической жизни эллинистической Греции во многом предопределили мировоззрение автора «Всеобщей истории» [1]. Советские исследователи уделили внимание в своих работах рассмотрению отдельных аспектов мировоззрения Полибия. Предметом анализа стали его представления о ходе исторического процесса [2], проводилось сравнение взглядов историка с современными ему политическими теориями, основу которых составляли государствоведческие воззрения греков предшествующего периода, делались попытки выявить степень зависимости от них Полибия [3], его труд исследовался как источник о развитии рабства, позволяющий вскрыть характер взаимодействия между войнами и становлением института рабства в политических условиях III—II вв. до н. э.[4] Наконец, следует отметить работу А. И. Немиров-

---

[1] *Мищенко Ф. Г.* Федеративная Эллада и Полибий.— В кн.: *Полибий.* Всеобщая история. Т. I, М., 1890, с. I—XII.

[2] *Конрад Н. И.* Полибий и Сыма Цянь.— В кн.: *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 47—67.

[3] *Нерсесянц В. С.* Политические учения древней Греции. М., 1979, с. 242—254; *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 92—98.

[4] *Павловская А. И.* Полибий о рабстве III—II вв. до н. э. Война как источник рабства.— ВДИ, 1963, № 2, с. 95—106.